

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему:

«Философская лексика в автобиографической прозе Г. С.
Батенькова»

Исполнитель Скалецкая Валерия Алексеевна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат филологических наук
(ученая степень, ученое звание)
Непоклонова Елена Олеговна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И.о. заведующего кафедрой

(подпись)
кандидат педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)

Виноградова Марина Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«25» сентября 2026 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы изучения философской лексики русского языка и процессов ее формирования в литературном языке п.п. XIX в. ...	9
1.1 Философская лексика в лексической системе русского языка: генезис и становление.....	Ошибка! Закладка не определена.
1.2 Современные научные подходы к изучению философской лексики	14
1.3 Виды философской лексики	21
1.4 Выводы к главе 1	26
Глава 2. Функционирование философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова	28
2.1 Автобиографическая проза Г. С. Батенькова как философский текст	28
2.2 Философский термин в автобиографической прозе Г. С. Батенькова	36
2.3 Использование общеупотребительной лексики как философской в автобиографической прозе Батенькова	46
2.4 Выводы к Главе 2. Корпус философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова.....	50
Заключение	53
Список литературы.....	56

Введение

Язык – это естественная знаковая система, которой свойственно саморазвитие под воздействием различных факторов. Язык отражает мировосприятие человека: изменения бытовой жизни народа, появление новых идей и взаимодействие с другими лингвокультурами ведут к изменениям в языке. В первую очередь изменения в языке происходят на лексическом уровне. Лексическая подсистема самая подвижная и быстрее других реагирует на изменения, происходящие в культуре и бытовой жизни носителей языка.

Анализируя особенности состава и развития лексической подсистемы языка, важно помнить о том, что в языке, как и в любой системе, изменение одного элемента или добавление нового элемента неизбежно провоцирует изменения других элементов этой системы или связей между этими элементами. При этом необходимо помнить о том, что язык используется людьми как инструмент познания: для определения, уточнения, разграничения и классификации новых понятий и явлений реального мира. Итогом функционирования языка как инструмента познания является появление новых лексических единиц при развитии и обновлении мыслительных процессов в сознании носителей языка. Появляющиеся лексические единицы объединяются в новые или входят в состав уже существующих концептуальных групп и лексических категорий, что приводит к изменениям в смежных элементах этих групп и категорий. Лексические единицы получают новые семантические оттенки или утрачивают старые, семантика слов может размываться или уточняться с появлением новых единиц в общей концептуальной группе. Для нашего исследования интерес представляют процессы формирования и функционирования философской лексики в русском языке XVIII–XIX вв. Вторая половина XVIII века – первая половина XIX века – ключевой период в истории становления русской философской лексики. На этом этапе, одновременно с формированием лексического

аппарата художественного языка русской литературы, происходит формирование языка русской философии, этому процессу в нашем исследовании посвящён параграф 1.1 «Философская лексика в лексической системе русского литературного языка: генезис и становление». В период активного развития философских, социальных, политических идей происходит увеличение объёма лексического аппарата языка и взаимный обмен лексическими единицами между разными лексическими группами. Активное развитие философской мысли в России XVIII–XIX вв. связано с процессом формирования философии как самостоятельной области интеллектуального знания. В этом процессе принимали участие представители различных сфер деятельности: профессиональные литераторы, критики, преподаватели духовных школ, организаторы философских кружков и общественных объединений и т.д. Одним из центров формирования культуры философского мышления было декабристское движение: благодаря широкому кругу их интересов и прогрессивным идеям, в творчестве декабристов формировалась или подвергалась критическому осмыслению новая, в том числе философская лексика. Как было отмечено Ю.М. Лотманом, декабристы представляли собой новый культурный тип, характеризующийся определенными интеллектуально-психологическими установками, поведенческой моделью и специфическим типом философского мышления, синтезировавшим различные идеи мировой философии и русской мысли. Различные традиции европейской философии были творчески осмыслены и синтезированы декабристами для обоснования права на активное вмешательство в ход русской истории и построение социальных утопических моделей. Если влияние европейских философских течений на становление русской философской мысли исследовано достаточно подробно, то процессы формирования философской лексики в русской лексической системе под влиянием различных философских традиций, в т.ч. в сочинениях декабристов, исследованы недостаточно. Особенно это касается наиболее самобытных авторов, сочетающих широкую философскую эрудицию с пониманием

специфики лексической и словообразовательной систем русского языка, среди которых видное место занимает Г.С. Батеньков.

Актуальность темы обусловлена недостаточным вниманием к роли декабристской прозы в процессе формирования и стабилизации философской лексики, и в частности, к автобиографической прозе Г. С. Батенькова, имеющей ярко выраженный философский характер. Произведения Г.С. Батенькова традиционно изучаются как часть декабристской мемуаристики, при этом собственно способам выражения философских идей на лексическом уровне в текстах Г.С. Батенькова не уделяется должного внимания. Такой подход к изучению творчества Г.С. Батенькова невозможно считать исчерпывающим, так как широкий круг религиозных, политических, эстетических и научных интересов декабриста повлек за собой проникновение широкого пласта философской лексики в его творчество, что способствовало стабилизации данной тематической группы в лексической системе языка указанного периода. Изучение функционирования философской лексики в прозе Г.С. Батенькова будет способствовать не только более полному осмыслению особенностей авторского стиля и мировоззрения самого автора, но может быть использовано и при изучении истории становления и развития тематической группы философской лексики в русском языке в целом.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в нашем исследовании впервые рассматривается философская лексика как текстообразующий фактор автобиографической прозы Батенькова, выдвигается тезис о взаимосвязи процесса стабилизации философской лексики русского литературного языка с актуальными контекстами ее формирования в творчестве представителей эпохи, а также впервые систематизируется корпус философской лексики Г. С. Батенькова.

Объектом исследования выпускной квалификационной работы является автобиографическая проза Г.С. Батенькова.

Предмет исследования: функционирование философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова на примере его работы «Данные. Повесть собственной жизни».

Материал исследования: данное исследование основывается на тексте автобиографической прозы декабриста Г. С. Батенькова: «Данные. Повесть собственной жизни» (опубликовано в 1881 году).

Цель выпускной квалификационной работы: выявление семантических трансформаций философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова в контексте истории становления философской тематической группы в лексической системе русского языка рассматриваемого периода.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить научную литературу, посвящённую вопросам становления, развития и функционирования философской лексики в русском языке.
2. Определить классификационную систему философской лексики в русском языке.
3. Обосновать целесообразность рассмотрения автобиографической прозы Г. С. Батенькова как философского текста.
4. Систематизировать корпус философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова.
5. Определить особенности функционирования философской лексики в автобиографической прозе Батенькова и влияние его прозы на процессы формирования философской лексики русского литературного языка.

Теоретической базой исследования стали современные труды Л.А. Новикова о типах лексических значений, Э.В. Кузнецовой о лексико-семантических группах в лексической системе языка, работы Д.Н. Шмелева, посвященные методам лексического анализа, а также труды

Н. В. Козловской, А. В. Крыжановской, Н. В. Залесовой, Н. В. Азаровой,
Н. А. Куценко.

Методологическая база: исследование философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова в нашей работе осуществляется на основе методов описания и анализа лексического материала, прежде всего, контекстуального и концептуального анализа лексических единиц, структурно-типологического, статистического, а также корпусных методов.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Философская лексика – это особая группа в лексической системе русского языка, которая имеет собственные уникальные формальные и содержательные признаки.

2. Формирование пласта философской лексики в русском языке связано с масштабными изменениями в общественном устройстве России и в сознании носителей языка.

3. Автобиографическую прозу Г. С. Батенькова стоит рассматривать не только как образец литературного творчества декабристов, но и как философский труд, который вобрал в себя характерные черты русской философской тематической группы в лексической системе языка XVIII–XIX вв.

4. Изучение особенностей функционирования философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова помогает лучше понять, как концептуальную картину мира автора, так и особенности становления языка русской философии в целом.

Теоретическая значимость исследования обусловлена необходимостью рассмотрения автобиографической прозы Г. С. Батенькова не только с точки зрения её места в художественном наследии писателей декабристов, но и как философский труд, отражающий, как философские воззрения автора, так и особенности языка философии первой половины XIX в. Наше исследование стремится дополнить существующий объём лингвистических трудов, посвящённых особенностям формирования

философской лексики в русском языке, а также уточнить существующие взгляды на литературное наследие Г. С. Батенькова.

Практическая значимость исследования представлена созданием корпуса философской лексики Г. С. Батенькова и ее описанием, что в дальнейшем может быть использовано в качестве материала для составления корпуса философской лексики русского литературного языка. В то же время наше исследование может послужить базой для последующих исследований философских взглядов Г. С. Батенькова и их актуализации на уровне отбора лексических единиц.

Структура работы включает введение, две главы, заключение и список литературы. В первой главе рассматриваются место философской лексики в лексической системе русского языка, различные подходы к её изучению и виды философской лексики. Во второй обосновывается принадлежность «Данных. Повести собственной жизни» к философскому корпусу текстов, анализируются специальные философские термины в произведении, а также общеупотребительная лексика, приобретающая в тексте семантический объём философских понятий; составлен сформированный в автобиографической прозе Г. С. Батенькова корпус философской лексики.

Глава 1. Глава 1. Теоретические основы изучения философской лексики русского языка и процессов ее формирования в русском литературном языке п.п. XIX в.

1.1 Философская лексика в лексической системе русского языка: генезис и становление

Лексическая система русского языка формировалась в течение длительного и сложного процесса. Формирование и развитие лексического состава языка и самой лексической системы русского языка напрямую связано с историей и образом жизни русского народа, поэтому, когда в жизни и образе мысли носителей языка происходят изменения, эти изменения сказываются на лексическом составе языка.

Лексика современного русского языка, с точки зрения её происхождения, делится на исконно русскую и заимствованную. В группу исконных русских слов входит лексика индоевропейского, общеславянского, восточнославянского и собственно русского происхождения. Заимствования лексики происходили из родственных славянских языков (так, например, получили широкое распространение старославянизмы, заимствования из Украинского и др.) и заимствования из неславянских языков (греческого, латинского и др.). Способы освоения заимствованной лексики в языке бывают разные: часто слова в процессе заимствования приобретают новые фонетические, морфологические и даже семантические свойства, а иногда слова сохраняют свой первоначальный вид. Помимо прямого заимствования в русском языке есть практика калькирования иностранных слов. Калькирование бывает словообразовательным (оно создаётся путем буквального перевода на русский язык отдельных морфем слова) и семантическим (семантический состав русского слова расширяется по аналогии с иностранным словом, например, трогать в значении вызывать чувство сострадания).

Все перечисленные пути возникновения лексических единиц в языке актуальны и для происхождения философской лексики, что мы рассмотрим ниже в этой главе.

Помимо этого, в лексической системе русского языка группы слов разделяют по принципу сферы употребления лексических единиц. С этой точки зрения от общелитературных слов отделяют диалектизмы, профессионализмы и термины, а также лексику социально ограниченного употребления (арго, жаргон, сленг).

С точки зрения соответствия функциональным стилям, лексику русского языка делят на разговорную и книжную. Виды функций, по которым делят лексику: общение, сообщение и воздействие.

Разговорный стиль в основном состоит из межстилевой лексики (которая может выполнять любую из перечисленных функций) и лексики сниженной, экспрессивной. В книжном стиле выделяют несколько функционально-стилевых разновидностей: официально-деловая, научная, газетно-публицистическая [59]. Как станет ясно из нашего исследования философскую лексику нельзя отнести ни к одному из перечисленных функциональных стилей. В поле философской лексики могут попадать лексические единицы из разных стилей, в зависимости от замысла философа.

Разделение слов на группы может осуществляться по лингвистическим и экстралингвистическим критериям. Так, например, несмотря на то, что деление слов на части речи считается основанным на морфологическом, синтаксическом и семантическом критериях (сочетая лингвистические и экстралингвистические признаки), всё-таки наиболее значимым критерием являются морфологические признаки слова. В свою очередь деление слов на лексико-грамматические разряды внутри частей речи уже происходит преимущественно по экстралингвистическим признакам. Так, например, Л. В. Калинина в статье, посвящённой анализу четырёх лексико-грамматических разрядов имён существительных - конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных – фокусируется на их роли в отражении действительности и

выделяет 4 уровня выражения действительности в языке: философский, когнитивный, естественнонаучный и собственно языковой. [18] В равной степени лингвистические и экстралингвистические критерии имеют значение при делении слов на лексико-семантические группы (ЛСГ). Например, ЛСГ «глаголы речи» включает слова говорить, рассказывать, болтать, трещать, заявлять и др. В таком случае морфологические и понятийные особенности слова имеют равное значение при отборе слов в группу. Преимущественно экстралингвистические признаки учитываются при делении слов на тематические группы. Деление слов на тематические группы основано на пересечении семантических полей слов. В таком случае лингвистические признаки уступают в значимости соотношению слов с фактами действительности. Примеры таких групп: слова, обозначающие время и его различные отрезки, термины родства, названия растений (или более узкие группы: названия деревьев, кустарников, грибов и т. д.).

В нашем исследовании мы будем рассматривать философскую лексику как особую лексическую группу, так как в неё входят и общепринятые философские термины, и специфические авторские философские термины, а также некоторые общеупотребительные слова, которые в философском тексте приобретают новое содержание. Даже специальные философские термины нельзя поставить в один ряд с общенаучными, так как научный термин стремится к однозначности, множественность трактовок научного термина говорит о его недоработанности и непрактичности. В то же время философский термин всё время переосмысливается и стремится к расширению своего понятийного содержания. Полисемия является важной характеристикой философской лексики, так как в ней научность, объединяясь с природой живого слова, которая содержится в его этимологии и концептуальном объёме, создаёт особую глубину значения.

Определение философской лексики как особой лексико-тематической группы также не представляется возможным. Во-первых, отдельные единицы философской лексики могут относиться к абсолютно разным тематическим

группам (религиозные понятия и термины; слова, описывающие когнитивный процесс; слова с широкой полисемией (свет, опыт) и др.). Во-вторых, при отнесении слов к группе философской лексики важно учитывать морфологические и синтаксические признаки слова (способ образования, мотивированность, синтагматические и парадигматические отношения). Все эти признаки учитываются не только лингвистами при изучении философской лексики, но и сами философы, работая со словом, вводя его в свой текст, заимствуя слово из иностранной философской традиции учитывают (пусть и не всегда осознанно) все эти факторы. В нашей работе философская лексика будет рассмотрена как тематическая, а не лексико-тематическая группа.

В период XVIII – начала XIX вв. происходит становление русской философской мысли. До этого периода в России существовала только христианская философия, лексическим инструментарием которой был в основном церковнославянский язык, однако с приходом в Россию идей Просвещения, философская мысль встала на путь секуляризации и вместе с поиском новых идей и задач, начала искать новые способы выражения в языке. Протоирей Василий Зеньковский пишет, что в философских текстах XVIII века «научные, социальные и иные идеи сочетаются с социально-политической мечтательностью» [17, с. 81]. В это время язык философии впитывает в себя язык государственных документов, художественной литературы и общеупотребительные слова. Печатаются первые философские словари («Опыт философского словаря» Александра Ивановича Галича (1818 год), Гогоцкий С.С. «Философский словарь, или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии» 1876г.) и тексты, цель которых укоренить философию как особый вид деятельности в России (Теплов Г. Н. «Объявления слов, которые в философской материи по необходимости приняты // Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут.» 1751 г.).

Одновременно с новыми идеями, появляются новые литературные жанры, цель которых распространять эти идеи. В этом контексте особенный интерес представляет литературная деятельность декабристов, которую нельзя считать деятельностью исключительно художественной. В текстах декабристов сочетаются философские идеи о социальном устройстве, государственности и национальности, а также религиозные искания, поэтому неудивительно, что проза декабристов наполнена философской лексикой.

Пополнение лексических единиц в группе философской лексики происходило одновременно несколькими способами. Так как одной из задач, которые должна была решить русская философия, было осмысление уже сформулированных в европейской философии идей, вместе с понятиями европейской философии заимствовались и философские термины, характерные для западных философских текстов. Вместе с этим с этим русские философы стремились создавать новые философские термины на основе русских слов, путём переосмысления их понятийного объёма. Подробнее пути возникновения философской лексики рассматриваются в параграфе 1.3 «Виды философской лексики».

В период становления философской лексики зачастую формируются вариантные ряды, когда философия ищет подходящее слово для обозначения нового понятия и разные философы используют разные варианты. Так Т. В. Артемьева в работе «Философский язык в России XVIII века: между физикой и метафизикой» приводит в пример вариантный ряд к установившемуся позже понятию «представление» – умоначертание, образование, воображение, мечтание, мысль, умоброжение, умообразование, имагинация и т.д. [4]. Таким образом, мы видим острую необходимость в изучении истории формирования философской лексики, так как, не изучая историю её возникновения, зачастую читатель философского текста просто не сможет понять язык автора.

1.2 Современные научные подходы к изучению философской лексики.

При изучении научного термина важно учитывать план содержания и план выражения, при этом методы анализа отдельно взятого термина и терминосистемы в целом могут отличаться. При изучении содержательной составляющей отдельного научного термина выделяются следующие методы:

1. Компонентный (семный) анализ.
2. Комбинаторный анализ, опирающийся на выделении из общего значения термина его объёма и содержания (предмет и смысл). То есть, в денотате выделяют отличительные черты и свойства, отделяющие его от схожих предметов и явлений.

3. Метод семантических множителей, при котором значение рассматривается как результат взаимосвязей значений более простых понятий.

Среди методов исследования терминологических систем выделяют:

1. Историко-описательный, включающий в себя диахронический и синхронический подходы к исследованию лексики.
2. Компонентный анализ, при котором выявляют общие компоненты значения у разных единиц, входящих в терминосистему.
3. Дистрибутивный анализ, изучающий сочетаемость терминов друг с другом в текстах.
4. Метод построения формальных парадигм терминов, например, префиксальных образований в геологии, аффиксальных образований в химии и т. д. [26]

Учитывая, что философская лексика и научный термин – понятия не тождественные, изучение философской лексики должно опираться на другие принципы исследования и, в первую очередь, на контекстуальный анализ. Существуют разные подходы к изучению языка философии. Прежде всего стоит уточнить, что изучение языка философии и философии языка - разные области знания. Философия языка – это раздел философии, изучающий

возникновения языка и его роль в культуре. К этой сфере изучения языка философии можно отнести книгу «Язык философии» Владимира Бибикина, в которой рассматриваются онтологические основания речи, проблемы герменевтики и выражения ключевых понятий философии в русском языке. Возникновение интереса русской философии к своему основному инструментарию (лексике) исторически закономерно. Безлепкин Н. И. пишет: «В России на равных правах употреблялись церковно-славянский язык, используемый преимущественно в богослужебных целях, «приказной», или «подьяческий», применяемый при ведении государственных дел, и живой общеразговорный русский язык, наиболее удовлетворяющий потребностям людей в их общении и повседневной жизни.» [7 с. 143]. Первые русские философы, как и литераторы, остро ощущали проблему раздробленности языка, с которым им предстояло работать. Вместе с этим активно происходили заимствования из иностранных языков, так как существовало убеждение, что на русском языке писать научные или философские труды невозможно по причине того, что активного развития наук или философии в России того времени просто не было. Характерным продуктом такой языковой раздробленности стала позиция филологов – архаистов (А. Шишков и его последователи), которые стремились полностью отказаться от заимствований в пользу архаичной лексики. Таким образом, перед русской философией стояла задача создать новую языковую традицию, в свою очередь пристальный интерес русских философов, к слову, повлёк за собой формирование отдельной дисциплины внутри философии. Философия языка представляет собой синтез философии и лингвистики, но так как её интерес направлен в первую очередь на изучение процесса развития философской мысли, оформления мысли в языке и герменевтику, её всё же относят к философским дисциплинам.

Лингвистическое изучение языка философии сосредоточено на процессах формирования, функционирования и развития философской лексики как особой лексической группы. В то же время некоторые лингвистические исследования философской лексики разрабатываются в

рамках когнитивной лингвистики, для которой важна взаимосвязь языка и процесса мышления. Так, например, Н. В. Залесова утверждает, что при изучении живого языка следует выделять три плоскости исследования: «а) язык и разум (со-знание), б) знание и структуры сознания (категоризованная информация), в) информация и знак (общесемиотическая проблема значения)» [15]. В фокусе внимания Залесовой стоит взаимосвязанность самого процесса познания (и приобретённого в этом процессе знания), сформированного опыта, который категоризируется и концептуализируется в сознании и среды или мира, в котором происходит процесс познания, и который является объектом познания. Таким образом, подчёркивается зависимость значения или содержания познаваемого от восприятия и зависимость восприятия от существующих в сознании категорий. Особое внимание в исследовании Залесовой уделяется терминообразованию. Автор использует когнитивный и ономаσιологический подходы, выделяя терминообразование как особый процесс номинации, которому свойственны специальные языковые средства и повторяющиеся модели, которые копируют модели общеязыковые. Таким образом, языковые системы соответствуют системности процесса познания и системности философии как науки.

В исследовании Н. М. Азаровой «Философская лексика и терминология в поэтическом тексте XX в.» представлен совсем иной подход к изучению философской лексики. В этом исследовании внимание автора сконцентрировано на изучении функционирования философской лексики в рамках художественного текста на основе описательного метода лингвистического исследования: рассматривается валентный потенциал лексических единиц и их стилистические особенности. В художественном тексте философская лексика может приобретать дополнительную экспрессивность, сочетаясь со словами, передающими оценочное суждение, в то время, как и само определение философской лексической единицы может содержать в себе эмоциональную экспрессию или оценочное отношение индивида к фактам действительности. Философская лексика обладает

широкой валентностью, что позволяет изучать её функционирование в широком контексте. По мнению Азаровой философское слово обладает внутренней динамикой или, по крайней мере, динамическим потенциалом: в новом контексте слово может расширять своё семантическое поле. Несмотря на то, что в поэтическом тексте философское слово поэтизируется и превращается в поэтический троп, оно сохраняет потенциальную широту своей семантики и создаёт множество интертекстуальных связей. [3]

Особенно стоит выделить сочетание синхронического и диахронического подхода к изучению философской лексики, что включает в себя структурный анализ лексической системы языка, ведь в первую очередь перед лингвистами стоит задача понять, как эта лексика изначально сформировалась и как она видоизменялась со временем. Этому вопросу посвящены, например, некоторые исследования А. В. Крыжановской. Крыжановская рассматривает, например, как в новоформирующейся группе философской лексики складываются синтагматические и парадигматические отношения. В философском терминологическом образовании отмечается возникновение антонимических пар (которые были призваны уточнять значения и категориальные отношения терминов) и терминов-дублетов (термины-дубликаты обычно возникали в ситуации, когда в язык заимствовалось слово, несмотря на то что в языке уже было слово со схожим значением). [45 с. 6] Подобный анализ позволяет составить наиболее полную картину формирования и эволюции группы философской лексики в языке.

В рассмотрении становления философской лексики особую роль приобретает вопрос этимологизации. Нередко в философском тексте переосмысливается значение общеупотребительного слова, с учётом его устаревших значений. Через этимологизацию философской лексики философы стремились объять полноту содержания слова и мысли, которая может быть этим словом выражена. Этимология слова имеет значение и при заимствовании слова, так, например, в ходе повторного заимствования, в случае, когда в язык заимствуется слово из иностранного языка, которое

раннее было заимствовано в этот язык из другого иностранного языка, возникает омонимия, при которой в язык попадают как бы сразу 2 разных содержания слова, выраженных одной формой.

Особого внимания исследователей философской лексики требует вопрос перевода. Этому вопросу посвящены работы С. Фокина, А. М. Галиевой и другие. Так как у философии нет своего собственного языка, она вынуждена искать средства выражения в языках национальных, формирование и развитие философских концептов требует широкого лексического аппарата, который, очевидно, в каждом языке особенный. Следовательно, при переводе философских лексических единиц возникает проблема поиска наиболее точного перевода, от которого будет зависеть логика всей авторской и общенаучной терминосистемы. В статье А. М. Галиевой и З. З. Ибрагимовой «Перевод и проблема отечественного философского языка» в пример приводится проблема перевода французского слова «discours» на русский язык. Во французском языке это обычное общеупотребительное слово, имеющее множество значений (речь, выступление, слово, трактат, рассуждение, манера мыслить, система понятий, рассуждение, анализ) и широкий пласт ассоциаций, которые отсутствуют в русском языке. В русском переводе «Слов и вещей» М. Фуко, выполненном Н. С. Автономовой, появилось изобретённое слово «дискурсия», чтобы развести для русского читателя разные значения французского слова и охарактеризовать эпистему классического рационализма [11]. Таким образом, при переводе философского текста может возникнуть потребность в создании новой лексемы для более точного выражения философского концепта. Этот процесс переноса философских лексем из языка в язык с созданием нового термина в свою очередь может повлечь за собой приращение новых смыслов к новообразованному термину. Исходя из этого мы можем заключить, что не только развитие философской мысли влечёт за собой изменения в лексическом составе языка, но и сама лексика языка оказывает влияние на развитие философской мысли.

Рассматривая разные подходы к изучению философской лексики, невозможно проигнорировать исследования авторских терминосистем. Авторские философские терминосистемы представляют интерес и для лингвистических, и для философских исследований. В рамках исследований русской философии и языка русской философии существуют исследования, посвящённые авторским терминосистемам Н. Ф. Федорова, Л. Шестова, Н. А. Бердяева и др. При составлении и исследовании авторских терминосистем используются как общелингвистические методы (описательны, сравнительно-сопоставительный, исторический, структурный и т. д.), так и методы когнитивной лингвистики (концептуальный анализ, концептуальная интеграция и т. д.). Помимо этого, Н. В. Козловская в рамках изучения авторских терминосистем выделяет метод антиномий [20]. Первая антиномия – антиномия узуса и языковой системы. В общем языкознании она определяется тем, что узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний, тогда как потребности живого речевого употребления заставляют постоянно прорывать эти ограничения. В применении к авторским терминосистемам эта антиномия обретает особое значение: это противоречие между узусом философского дискурса вообще и возможностями конкретной языковой системы. Обозначенное противоречие иллюстрируется фактом своеобразной «раздвоенности» авторского философского термина: он одновременно входит в две семиотические системы – в философскую терминологию вообще и в собственно авторскую терминосистему. Вторая антиномия – антиномия кода и текста. Эта антиномия базируется на утверждении того, что авторская система терминов является своеобразным кодом, в сжатом виде отражающим содержание философских концептов автора. Кодированная функция термина (а вместе с ним и системы терминов) проявляется в невозможности или нежелательности замены термина-имени концепта описанием этого концепта, поскольку такая замена привела бы к неоправданному удлинению и разрушению композиционной структуры текста. Антиномия, разрешаемая в пользу кода в языке науки, в языке философии

разрешается иначе: то в пользу кода, то в пользу текста. Одной из главных особенностей русского философского текста являются контекстуальные определения терминов: дефиниция рассредоточена по целому тексту. Так, например, при терминологизации общеупотребительных слов в философском тексте, их точное определение невозможно без рассмотрения их в контексте как конкретного целого текста, так и всего творчества автора. При этом тот же автор может использовать специальные научные термины для точной дефиниции другого понятия. Следовательно философ при подборе нужной лексемы каждый раз вынужден разрешать эту антиномию в одну или другую сторону. Третья антиномия обусловлена асимметричностью языкового знака, которая заключается в том, что в структуре языкового знака означающее и означаемое находятся в состоянии перманентного конфликта: означающее стремится к приобретению новых значений, означаемое – к приобретению новых средств своего выражения. Разнонаправленное разрешение антиномии, обусловленной асимметричностью знака, может служить средством анализа своеобразия конкретной терминосистемы или основанием для сопоставления терминосистем разных авторов. Четвёртая антиномия – антиномия чисто информационной и экспрессивной функций – также может по-разному разрешаться в творчестве разных философов. Разрешению антиномии в пользу информативной функции термина и терминосистемы в целом может препятствовать отсутствие регулярности, однозначности и жёсткой упорядоченности единиц терминосистемы. В философском тексте термин может функционировать как коррелят определённой ментальной операции, протекающей в сознании автора, отсюда вытекает субъективность употребления и определения философского термина. Обобщая обзор метода, выдвинутого Н. В. Козловской, можно утверждать, что метод антиномий позволяет выявить внутренние противоречия, движущие развитием авторских философских терминосистем, и может быть эффективно использован как для анализа отдельной терминосистемы, так и для их сопоставительного исследования.

В ходе формирования нового пласта лексики происходят заимствования новых слов, переосмысление уже имеющихся в языке единиц и формирование новых отношений между ними. Все эти изменения могут быстро сменять друг друга и становятся взаимоисключающими, не все из них в языке остаются, поэтому для полного понимания текстов, написанных в период активного переустройства языка, стоит уделять особое внимание изучению изменений, которые происходили в языке в это время.

1.3 Виды философской лексики

В лингвистическом исследовании видовое деление философской лексики происходит в первую очередь по принципу её образования. Залесова Н. В. в контексте русского терминотворчества выделяет следующие приёмы создания философского термина:

1. Семантическая конверсия, при которой общеупотребительное слово в философском тексте приобретает новое постоянное значение и переходит в разряд философских терминов.

2. Терминологическая конверсия, при которой термин заимствуется из другой научной дисциплины, с полным или частичным переосмыслением.

3. Терминологическая деривация – терминообразовательная модель, при которой используются общепринятые в научном стиле компоненты или модели терминообразования. Классическая модель терминологической деривации представляет собой, например, сложение двух греческих или латинских корней для получения новых терминов. При этом существуют деривационные модели, которые свойственны философской лексике, но являются окказиональными для общеупотребительной или научной лексики, например, модель: «само» + «слово» или употребление первообразных предлогов в постпозиции.

4. Заимствование термина из другого языка, при котором происходит морфологическая ассимиляция слова, но сохраняется его основное содержание.

5. Осмысление или ментализация – процесс, в котором, при заимствовании сохраняется лишь часть семантического объёма слова [15].

Н. М. Азарова отмечает, что понятие философская лексика более широкое, чем философский термин, так как включает в себя ещё и общеупотребительные слова, которые приобретают особое значение в философском тексте. Таким образом, с точки зрения стилистических особенностей лексической единицы внутри группы философской лексики стоит выделять три подгруппы: специальный философский термин, авторский философский термин и неспециальный философский термин. [1; 2; 3]

Н. В. Козловская определяет авторский философский термин как «вербализующую философский концепт и образованную морфологическим, синтаксическим или семантическим способом специальную лексему, значение которой определяется только в составе философской терминосистемы конкретного автора, или авторской терминосистемы.» [21 с. 90]; в то время как терминоподобные общеупотребительные слова с единичным показателем частоты, которые в философском тексте играют мыслеобразующую роль называются терминологическими глоссами [21].

Азарова определяет специальный философский термин как «терминологические философские слова, которые указывают на принадлежность данного текста к философскому и в словарях даны с соответствующей лексикографической пометой» [1 с. 46], а также к ним относятся словосочетания, состоящие из общеупотребительных слов, но наиболее часто встречающиеся в философских текстах.

Неспециальные философские термины могут называться философскими категориями, что подчёркивает их широкое семантическое поле. Неспециальный философский термин выступает в роли концепта, который помимо понятия, к которому он напрямую ссылается, включает в себя ещё широкий круг ассоциаций и трактовок. Неспециальный научный термин может формировать синтагматические связи как с научной лексикой, так и с лексикой, содержащей оценочный предикат, благодаря чему философский

текст приобретает особую стилистику на грани текста научного и художественного.

Авторский философский термин по Азаровой – это не просто понятие, которое часто встречается в текстах одного автора, но понятие, наиболее разработанное одним философом, до такой степени, когда это слово уже не может мыслиться без связи со своим автором и его личной философской системой взглядов.

Так как для философского термина крайне важна его этимология, можно разделить философскую лексику по способу её этимологизации. Этимологизацию можно разделить на историческую и произвольную, но зачастую эти процессы сочетаются. Историческая этимологизация, которая свойственна и научному термину, в философской лексике обуславливает причинно-следственную связь в формировании и изменении основного, научного смысла слова. Она же зачастую выступает основным критерии при формировании термина: подбираются др. греческие или латинские корни, наиболее полно отражающие значение какого-либо понятия, и из них формируют новый термин. Произвольная этимологизация носит скорее сакральный смысл, отражает попытки автора достичь истинного, наиболее полного содержания слова.

Н. В. Козловская в работе «Типы авторских терминов в русской философии (на материале произведений Н. Ф. Фёдорова и Н. А. Бердяева)» делит философскую лексику XVIII–XIX вв. на следующие виды:

1. Авторские термины, образованные морфологическими или синтаксическими способами, включая дефисные комплексы, как, например, бытие-в-себе, бытие-космос и т. д.
2. Авторские термины, образованные лексико-семантическим способом (переход общеязыковой системы в разряд терминов).
3. Переосмысленные термины других наук и термины богословия

4. Философские лексемы и специальные философские термины многоаспектного характера, значение которых переосмыслиется в конкретном философском дискурсе [22].

Так как в числе задач нашего исследования названо составление авторской терминосистемы Г. С. Батенькова, необходимо уточнить понятия «термин», «терминология», «терминосистема» и «терминополе». В нашем исследовании мы исходим из того, что термин – это лексическая единица терминологии, терминосистемы и терминополя [52]. В этом вопросе основную проблему составляет дифференциация понятий «терминология», «терминосистема» и «терминополе». В. А. Татаринов выделяет следующие значения слова «терминология»: 1) совокупность специальных единиц какого-либо языка; 2) совокупность специальных единиц какой-либо отрасли человеческой деятельности, онтологической сферы или фразеологии отдельного ученого; 3) совокупность только терминов как группы специальных единиц в оппозиции другим группам специальной лексики или общеупотребительным словам; 4) упорядоченную систему терминов, т.е. как терминосистему; 5) научную дисциплину, занимающуюся изучением специальной лексики (общая терминология) [60]. Здесь мы видим, что при определении терминологии как системы, мы приравниваем терминологию к терминосистеме. Следовательно, по Татаринову основной критерий дифференциации терминологии от терминосистемы – отсутствие системности. При этом Татаринов определяет «совокупность специальных единиц какой-либо отрасли человеческой деятельности, онтологической сферы или фразеологии отдельного ученого» как терминологию, что противоречит практике употребления слова «терминосистема» в этом значении в исследованиях современных лингвистов. Ещё больше размывается грань между двумя этими понятиями, когда мы пытаемся дать определение понятию «терминополе». В энциклопедическом словаре «Общее терминоведение» понятие «терминополе» определяется как унифицированная по системному основанию многоуровневая классификационная структура,

объединяющая термины сферы однородной профессиональной деятельности и покрывающая без пробелов эту сферу профессионального опыта и знаний. [60]. При таком определении возникают сложности с пониманием того, как терминопole, терминосистема и терминология соотносятся друг с другом. Р. Ю. Кобрин определяет терминопole как систему «научно-технических специальных понятий, которой в плане выражения соответствует терминология (совокупность взаимообусловленных лексических единиц)» [52]. Однако В. М. Лейчик полагает, что понятие терминопole совпадает с понятием терминосистема [26]. То, что одни лингвисты называют терминопole планом содержания терминологии, а другие считают его планом содержания терминосистемы, подчёркивает существование проблемы определения, а следовательно, и использования этих понятий. В нашем исследовании мы исходим из определения терминологии как «совокупности специальных единиц какой-либо отрасли человеческой деятельности» (без выражения системы специальных единиц и фразеологии отдельных авторов), а также «совокупность только терминов как группы специальных единиц в оппозиции другим группам специальной лексики или общеупотребительным словам». Терминосистема, в свою очередь, - это упорядоченная система терминов, включающая авторские термины и фразеологию. При таком разграничении понятий имеет смысл считать терминопole динамической структурой, которая связывает лексические единицы на основе одной научной теории или концепции, выступая планом содержания терминосистемы.

Наше исследование основывается в первую очередь на контекстуальном анализе философской лексики в тексте Г. С. Батенькова «Данные. Повесть собственной жизни». Мы проведём анализ содержательной составляющей выделенной лексики, после чего сформируем и опишем корпус философской лексики С.Г. Батенькова как авторскую терминосистему, в которой разделение философской лексики на виды основывается на способе формирования термина или терминоподобной единицы и их стилистических особенностях.

1.4 Выводы к главе 1

В первой главе данной работы были рассмотрены теоретические основы изучения философской лексики как особой группы в рамках лексической системы русского языка, проанализированы различные подходы к ее исследованию, а также выделены основные виды философской лексики и способы ее образования.

Проведенный анализ показал, что философскую лексику нельзя однозначно отнести к какому-либо одному из функциональных стилей, поскольку входящие в нее лексические единицы могут принадлежать к разным стилистическим группам в зависимости от замысла автора и контекста употребления. Философская лексика представляет собой особую лексическую группу, включающую как специальные философские термины, так и авторские философские термины (лексемы, значение которых определено только в рамках терминологической системы конкретного автора), а также общеупотребительные слова, которые в философском тексте приобретают новое семантическое значение и функционируют как философские категории.

Главной особенностью философской лексики, отличающей её от общенаучной терминологии, является полисемия. В отличие от научного термина, стремящегося к однозначности и точности, философская лексика постоянно переосмысливается и стремится к расширению своего понятийного содержания. Это связано с тем, что философское слово сочетает в себе научность и природу «живого слова», укорененную в этимологии и национальной языковой традиции.

Изучение различных подходов к исследованию философской лексики показало, что для эффективного изучения этой группы слов необходимо сочетание нескольких методов. Контекстуальный анализ позволяет определить семантический объем философской лексемы в рамках конкретного текста. Исторический подход дает возможность проследить возникновение, развитие философских лексем и их проникновение в повседневный язык. Когнитивный

подход сосредоточен на взаимосвязи между языком и процессом мышления, что особенно важно при анализе философского текста, призванного отражать работу сознания. Особого внимания заслуживает предложенный Н. В. Козловской метод антиномий, который позволяет выявлять внутренние противоречия, которые лежат в основе развития авторских философских терминосистем, и который может эффективно использоваться как для анализа отдельных авторских терминосистем, так и для их сравнительного изучения.

Изучение видов философской лексики показало, что в русском языке выделяются следующие основные типы: специальные философские термины (заимствованные из латинского и древнегреческого языков, а также образованные на их основе), авторские философские термины (лексемы, значение которых определяется в рамках терминосистемы конкретного автора), неспециальные философские термины (общеупотребительные слова, выступающие в роли философских концептов), в отдельных исследованиях могут выделяться терминологические глоссы (терминоподобные единицы с единичным показателем частоты).

Способы образования философской лексики включают семантическую конверсию, терминологическую конверсию, терминологическую деривацию, прямое заимствование и ментализацию. Кроме того, важную роль в формировании и осмыслении философской лексики играет этимологизация – как историческая, так и произвольная, позволяющая философам раскрывать глубинные смыслы слов.

Формирование пласта философской лексики в русском языке приходится на период второй половины XVIII – первой половины XIX века. Этот процесс был обусловлен масштабными изменениями в общественном устройстве России, секуляризацией философской мысли и активным освоением идей европейского Просвещения. Русская философская лексика складывалась одновременно из трёх источников: заимствований из европейских языков (через переводы философских текстов), переосмысления церковнославянской лексики и терминологизации общеупотребительных слов.

В этот период нередко возникали лексические вариантные ряды, когда одно и то же понятие обозначалось разными словами, что свидетельствует о поиске русской философией своего языка и своего способа выражения.

Таким образом, теоретический анализ, проведённый в первой главе, создаёт необходимую основу для последующего исследования функционирования философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова. Выявленные особенности философской лексики как особой лексической группы, её видовое разнообразие и возможные особенности функционирования в философском и художественном тексте позволяют перейти к анализу конкретного материала и формированию авторской терминосистемы Батенькова.

Глава 2. Функционирование философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова

2.1 Автобиографическая проза Г. С. Батенькова как философский текст

Конец XVII и первая половина XVIII века – время, когда средневековые мировоззрения и принципы художественного творчества претерпели коренные изменения, что было связано с глубокими процессами в общественной жизни русского народа. На смену религиозно-символическому способу интерпретации реальности пришел рационалистический подход. Сформировался новый образ человека, в своей основе имевший светский характер. В русской литературе того времени выделились два вида автобиографических сочинений. Первый вид – это автобиографические сочинения информационного характера, содержащие изображение человека в виде кратких биографических сведений и не затрагивающие внутреннюю сферу его жизни; второй вид – это автобиографические сочинения, в которых основной акцент делается на внутреннем мире автора. Помимо этого, осваивались жанры с традиционным философским потенциалом: аллегория, рассуждение, притча, философское письмо, но все они выступали как

первичные жанры в составе единого целого – собственного жизнеописания. В это формируется особый пласт русской литературной словесности – творчество декабристов-литераторов.

Наиболее последовательно сформулировал логику одного из направлений декабристской мысли после 1825 года М. С. Лунин. Для него центральное место в исследовании декабристской прозы занимал процесс историзации личной истории авторов-декабристов [14]. Параллельно с этим развивалось другое направление, связанное с религиозными поисками. После 1825 года религия в сознании многих декабристов существовала не только в библейском толковании. Религиозное мышление декабристов не отвергало полностью церковное учение как таковое, но, что наиболее примечательно, представляло собой зарождающуюся философскую интерпретацию религиозных тем. Однако развитие художественного сознания декабристов нельзя сводить исключительно к их религиозным и философским поискам. Записки и философские трактаты этого периода представляют собой попытку соединить чистую духовность с актуальными вопросами, с насущными проблемами современности, включая политические и государственные вопросы. Не случайно в своих записках, статьях и письмах после 1825 года многие декабристы подчеркивали эту уникальную взаимосвязь между социальной, политической и религиозной сферами (Н. А. Бестужев, А. В. Поджио и др.).

Исследователи прозы декабристов (М. К. Азадовский, Е. И. Анненкова, А. В. Архипова, В.Г. Базанов и др.) неоднократно отмечали, что проза декабристов представляет собой весьма сложное явление. Речь идет о прозе особого рода, исследование которой не может ограничиваться только явлениями художественной или научно-популярной литературы как таковых, поскольку у декабристов романы, рассказы, политические трактаты, мемуары и дружеские письма были тесно переплетены друг с другом по своему концептуальному содержанию. Многие прозаические произведения декабристов носят автобиографический характер, независимо от того, в каком

жанре они были написаны. Исповедальность, самоанализ и самообличение не чужды различным литературным документам и письмам той эпохи. Автобиографический подход в той или иной степени присутствует во всех текстах. Автобиографическая основа: индивидуальная судьба, собственная жизнь в истории государства и история государства в истории собственной жизни – это то новое, что появляется в произведениях декабристов-литераторов после 1825 года.

В то же время в некоторых автобиографических или исторических записках, заметках, воспоминаниях декабристов художественное начало представлено не в качестве отдельных или случайных элементов, но присутствует как основной принцип организации текста; авторы таких произведений органически сочетают в себе художника и историка в одном лице.

Восприятие и осмысление творческого наследия Батенькова-мемуариста условно соотносится с двумя периодами его биографии: с 1812 по 1825 гг. (Отечественная война 1812 года, Сибирь, Петербург, декабрьское восстание 1825 года); с 1825 по 1863 гг. (с 28 декабря 1825 по 31 января 1846 года – двадцатилетнее тюремное заключение в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости; 1846 год – ссылка в Томск; 1855 год – амнистия, затем Тульская губерния, Калуга). Такое деление представляется естественным, поскольку 1825 год завершает первоначальный период творчества Батенькова. После него, в первые годы тюремного заключения, писательская активность декабриста заметно ослабла; он пережил в эти годы душевный кризис, который позднее описал в автобиографических записках.

Особое место в наследии Батенькова занимают его «Данные...» – результат нового взгляда Батенькова на природу художественного творчества. В этой работе Батеньков не только стремится отказаться от вымысла (который ассоциируется в его сознании с искажением жизненной реальности), но, отдавая предпочтение описанию собственной жизни, выносит на первый план

самоанализ и его, в свою очередь, делает предметом познания и комментирования. Основополагающей категорией, позволяющей интерпретировать текст, определить особенности его поэтики, является категория авторского «я», авторское самосознание. Своеобразие авторской позиции определяет структурную и пространственно-временную организацию текста. Повествование строится на взаимодействии нескольких субъектных сфер: плана зрелого повествователя в настоящем и плана его «я» в прошлом. Авторское «я», выступающее одновременно в качестве субъекта и объекта изображения, раздваивается: это и «я» очевидца событий, их участника, и «я» рассказчика, вспоминающего о прошлом. Рассказ о собственной жизни, сюжетно не упорядоченный, построенный в манере импульсивных воспоминаний, вызывает у читателя чувство, что Батеньков каждый раз заново и под новым углом зрения пытается исследовать ушедшее время. Как следствие этого, возникает ощущение «разъединённости», «разорванности» авторской мысли, но именно таким обычно и бывает естественный поток сознания.

Однако для полного понимания текста Батенькова недостаточно рассматривать его только с точки зрения литературоведческого анализа. В «Данных...» очевидно влияние русской философии на этот текст. Несмотря на то, что сам автор тексте пишет, что никогда философии не учился, эта фраза воспринимается как опровергающая саму себя. Если бы текст Батенькова действительно не имел в своей основе философское начало, в этой фразе не было бы необходимости. Из описи личной библиотеки Батенькова мы знаем, что он как минимум имел в своей коллекции «Космос» Гумбольдта, произведения Ломоносова и Жуковского, «Метафизика» Баумейстера, «Сокращенная история философии» Бруккера, Караччоли «Разговоры с самим собой». Из переписки узнаем, что Г. С. Батенькова в молодые годы интересовала «Божественная философия» французского мистика ДюТуа, и что он занимался переводом книги Буланже «Древность, открываемая через обычаи и обряды». Из религиозной литературы в библиотеке Батенькова были,

например, Библия и псалмы, книги Фомы Кемпийского, сочинения митрополита Филарета, Евстафия Станевича, Феофана Прокоповича, архиепископа Ириней [39]. Были в его библиотеке и исторические, государственные труды, такие как, например, «Древние государственный грамоты, наказания памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии», «Древняя российская вивлиофика» [28]. На основе этого мы можем сделать вывод, что круг интересов Батенькова включал в себя широкий спектр наук, и в том числе со многими трудами по философии он, конечно, был знаком. Характер освоения философских идей Батеньковым был не механическим заимствованием, а творческим переосмыслением. Батеньков не стремился вписать свою картину мира в какую-либо одну философскую систему; скорее, он избирательно усваивал те положения, которые созвучны его религиозно-нравственным исканиям. Такое избирательное усвоение европейских философских идей и их адаптация к национальной духовной традиции характерны для русской философии XVIII–XIX веков в целом, и автобиографическая проза Батенькова является ярким образцом этого синтеза.

Ключевое значение в тексте «Данных...» имеют не категории пространства и времени или биография автора, но само авторское сознание и процесс его формирования как бы на глазах у читателя. Прежде всего примечательно то, что Батеньков называет жизненный опыт данными. Очевидно, что он подходит к собственному жизнеописанию не столько как к художественному творчеству, сколько как к научному исследованию, а именно, исследованию формирования его сознания, что сближает его подход с философским исследованием. Обратим внимание на то, как Батеньков описывает процесс своего познания мира в детстве: сначала он разглядывает объекты в дали, и те представляются ему плоскими, потом он познаёт их вблизи и узнаёт, что за ними есть другие схожие объекты, начинает «разбирать, соотносить» и в его голове формируется категориальное мышление. Батеньков описывает своё взросление как процесс познания, выступая философом - гносеологом. Процесс познания, описанный Батеньковым, соответствует

существовавшему в то время представлению о философском познании мира. В «Данных...» Батеньков пишет, как определённая, увиденная им в детстве гора «сделалась типом всех гор». Похожие представления о процессе познания мы находим и у Платона в его учении об эйдосе, и у Аристотеля в его учении о внутренней форме вещи, и у Лейбница (монады как носители информационного кода), у Н. О. Лосского (интуитивизм и монады), и т. д. Конечно, все эти подходы в гносеологии имеют свои особенности, но каждый из них подробно в этой работе нет необходимости, ведь Батеньков в своём тексте не даёт подробного описания на свой личный подход к изучению особенностей познания, он лишь использует основные методы из гносеологии для собственного жизнеописания. Изучая автобиографическую прозу Г. С. Батенькова, мы не можем сказать, что в ней автор изобретает особую философскую систему, которая призвана утвердить новые идеи в философских дисциплинах. Однако мы можем смотреть на прозу Батенькова как на образец русской философии XVIII–XIX вв. в миниатюре. В это время философия в России ищет своего читателя и старается быть ему понятной. Литераторы, склонные добавлять философские идеи в свои труды, учёные и, собственно, философы стараются объяснять читателю основные методы и понятия – уже традиционные или совсем новые для философии.

Так, например Г. Н. Теплов выделяет три способа познания: познание историческое (восприятие фактов действительности как они есть, или как мы их познали в ходе первого опыта), познание философское (установление причин бытия вещи) и познание математическое (умение определить «количество и силу причины») [35]. Мы видим, что в исследовании «философствования» Теплов прежде всего определяет основные принципы философского познания действительности, такой же подход мы находим и в «Данных...» Батенькова. При этом любой из описанных Тепловым видов познания основывается на опыте, и само понятие опыта в тексте Батенькова имеет важное значение. В «Данных...» за каждым упоминанием нового опыта появляется описание его влияния на изменения в сознании автора. Причём

слово «опыт» здесь мы употребляем и в значении совокупности знаний и навыков, приобретённых за время жизни, и как метод научного исследования, состоящий в воспроизведении какого-либо явления или наблюдении за явлением в естественной среде, так как две эти семы одинаково значимы в текстах Батенькова.

Исследователи творчества Г. С. Батенькова всегда подчёркивают религиозность его мышления, которая выражается в его текстах. В «Данных...» в первом же абзаце Батеньков заявляет о своём взгляде на сущность жизни: в его картине мира жизнь – это непрерывный процесс сбора и обработки данных; человек живёт, пока работает его ум. Продолжая эту мысль, автор пишет, что первое данное, человек не приобретает собственным опытом, но получает от бога при рождении. Это первое данное Батеньков называет «я» и отождествляет с чувством бытия, которое вырастает в самосознание. Здесь мы находим первое положение в религиозных воззрениях автора: сознание неразрывно связано с самосознанием или чувством бытия, которое имеет божественную природу. Помимо этого, Батеньков напрямую упоминает «понятие о вечной необходимости бытия», которое у него тесно связано с речевой конструкцией «так подобает быть». К понятию вечной необходимости бытия Батеньков подходит, рассуждая о причинах разных явлений, ответом для него становится вселенская гармония, божественное устройство мира, которое человек не всегда осознаёт, но чувствует и неосознанно живёт по его законам. В тексте «Данных...» автор описывает своё первое осознание присутствия бога в мире как случайный опыт, который он приобрёл в младенчестве. Со слов Батенькова, он «подлинно увидел свет Божий» и сохранил это впечатление на всю жизнь. На основе этих наблюдений мы можем сделать вывод о том, что в философской картине мира Батенькова бытие бога не требует доказательств, оно, во-первых, выражается в мировой гармонии, которой человек подчиняется неосознанно, ведь она заложена в саму природу человека богом, во-вторых, человек может ощутить присутствие бога самостоятельно, даже не пытаясь логически познавать мир, но будучи открытым чувственному опыту.

В той части текста, где Батеньков пишет о своём детстве, он использует следующую формулировку: «Тогда были города, и в них семьи; теперь государство, в котором личность дышит как в обширной среде, почти от себя самой.». В этом предложении мы находим противопоставление устройства жизни частной и государственной, однако само появление этой конструкции в части текста, посвящённой детству и устройству семейного быта, доказывает, что в сознании автора эти две сферы человеческой деятельности тесно переплетены. Это утверждение подтверждается и самой структурой текста «Данных...», в которой части, посвящённые детству и семье, резко сменяются описанием государственной деятельности Г.С. Батенькова. Рассказывая, как он работал над идеями государственного устройства, Г.С. Батеньков уже напрямую говорит, что для него имело значение и объединение основ государственного управления с жизнью народной, частной. Делясь опытом своей государственной деятельности, автор писатель упоминает, как создал одновременно два противоположенных текста: один выразил его взгляды на идеальное устройство общества, включая вопросы не только государственного устройства, но и принципы человеческого общежития в целом; второй: строгий уголовный свод, как результат размышления о природе зла. Такая двойственность мировоззрения отразилась и в опыте познания автором идеи спасения души. Спасение и вечность бытия Батеньков рассматривает, как явление, которое в чувственном мироощущении человека выражается в двух полярных проявлениях: в страхе и любви. Свой личный опыт переживания этого явления писатель определяет как путь сознания от страха до любви к Богу. Причём, результат этого преобразования явился следствием усердной работой ума. Такое раздвоенное мировоззрение автора, слияние концептуально разных частей текста в единое целое, непоследовательность хронотопа в тексте – всё это действительно создаёт впечатление разорванности сознания автора, однако, как мы можем заметить при более детальном рассмотрении, подобное дробление – это не разорванность, а отражение

мыслительного процесса, который стремится связать разные аспекты человеческой жизни в единое целое.

При исследовании философской лексики в поэтическом тексте Н. М. Азарова пишет, что в поэтическом тексте философская лексика поэтизируется, включается в ряд художественных тропов, при этом создавая широкий ряд контекстов [3]. В художественном тексте философская лексика призвана расширить семантический объём концепта, который является текстообразующим в художественном произведении, формируя интертекстуальные связи. В нашем исследовании мы приходим к следующему выводу: в автобиографической прозе Г. С. Батенькова философская лексика не служит средством поэтизации текста, она необходима для выражения работы сознания и описания структуры и направления мысли, что показывает принадлежность текстов Батенькова к философскому корпусу. А. А. Илюшин отмечал вдохновлённость поэзии Батенькова творчеством Ломоносова: «Батеньков <...> близок к Ломоносову именно как к поэту-ученому. <...> Поэт в данном случае сливается с <...> философом.» [38]. Синтез художественности и учёности мы можем заметить и в автобиографической прозе Батенькова. Несмотря на кажущуюся творческую преемственность Батенькова по отношению к Ломоносову, философская лексика в автобиографических текстах Батенькова не призвана создавать интертекстуальные связи; она образует личный лексический корпус автора, отражает его собственное мировоззрение и авторский стиль, который сочетает в себе художественность и научность.

2.2. Философский термин в автобиографической прозе Г. С. Батенькова

При поверхностном знакомстве с текстом «Данных...» специальные философские термины сильно выделяются, как лексика, не соответствующая стилистике автобиографической прозы. Несмотря на то, что мы уже обосновали правомерность отнесения «Данных...» к корпусу философских текстов, отрицать автобиографичность как жанрообразующий фактор

произведения невозможно. Философские термины и общеупотребительная или поэтизированная лексика имеют разное влияние на формирование повествовательного стиля автора, а, значит, их сочетание в рамках одного текста сказывается на стилистической своеобразии произведения. В связи с такой сложной стилистической и жанровой составляющей текста логично разделить философскую лексику, фигурирующую в произведении, на специальные философские термины и общеупотребительную лексику, которая, реализует семантический объём философской категории в рамках выбранного для исследования текста. При этом важно понимать, что значительная часть лексики, которая в XIX веке относилась исключительно к группе философской, позже вошла в ряд общеупотребительной лексики, которая в XXI веке может быть использована даже в разговорной речи. Для соблюдения стилистической точности в рамках нашего исследования мы отнесли к разряду философских терминов помимо собственно специальных философских терминов и те лексемы, которые сейчас воспринимаются как общеупотребительные, но не были закреплены как таковые в словарях XVIII-XIX века: «Словарь Академии Российской» 1789–1794 и «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. Так, например, к разряду специальных терминов мы относим слово «самосознание». В словаре церковнославянского и русского языка слово «сознание» содержит только сему «признавать истину чего-либо», то есть употребляется только в значение близком к признать(ся). Батеньков упоминает термин «самосознание» в таком контексте рассуждения о «я», которое человек имеет с рождения: «Оно не приобрѣтается, а дается Богомъ, при созданиі челоуѣка; какъ чувство бытія, растеть, растеть и достигаетъ до самосознанія.». В словаре Ожегова мы находим такое определение самосознания: «Полное понимание самого себя, своего значения, роли в жизни, обществе.». В философском энциклопедическом словаре 1983 г. самосознание определяется как «осознание, оценка человеком своего знания, нравств. облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя как чувствующего

и мыслящего существа, как деятеля.» [51]. В тексте Батенькова это слово помещено в такую синтаксическую конструкцию, в которой создаётся ощущение движения и развития, за счёт употребления однородных членов предложений, к тому же семантика употребляемых слов (расти и достигать) отражает процесс движения от малого к большому. В тексте Батенькова самосознание – это пик умственного труда, направленного на познание самого себя; для автора важно, что самосознание возникает только как результат долгого и сложного процесса. В философском словаре 1968 г. самосознание определяется как способность человека выделять себя из объективного мира, при этом подчёркивается важность процесса отделения человека от животного мира и его развитие в мыслящее существо, благодаря труду. [61 с. 418] У Батенькова же самосознание это не общая черта в мышлении человека в целом, но результат индивидуального мыслительного процесса, в ходе которого каждый отдельный человек познает самого себя. Мы можем заметить, как по-разному это слово трактовалось в разные эпохи, однако уже в тексте Батенькова оно употребляется в значении, схожем с тем, которое в XX веке войдёт в активный запас большинства носителей языка, включая при этом расширенный семантический объём, свойственный философской лексике, благодаря включению его в синтаксическую конструкцию, которая позволяет реализовать его валентный потенциал.

Отдельно стоит пояснить, почему в нашем исследовании мы не выделяем авторские философские термины в тексте «Данных...». Мы уже показали, что, например, слово «самосознание» в тексте Батенькова уточняется для выражения конкретной идеи автора, однако этого, всё же, недостаточно для отнесения его к разряду авторских терминов. Во-первых, при употреблении философских лексем Батеньков не анализирует их полный концептуальный объём, он не уделяет особенного внимания значению каждого отдельного слова, но лишь использует их в контексте, который вносит уточнения в уже существующее семантическое поле лексемы. Во-вторых, в

тексте не реализуется одно из требований к авторскому термину: устойчивая соотнесённость или ассоциации авторского термина и его автора, ведь Батеньков не создает новых терминов для выражения своих идей, только использует уже существующий объём значений слова. В-третьих, объём материала исследования не позволяет соблюсти требование к частоте использования авторского термина: в «Данных..» автор использует различные философские лексемы, однако подавляющее большинство из них имеет единичный показатель употребления, так как Батеньков не формирует свой текст вокруг объяснения какого-то определённого явления или идеи, но передаёт весь свой жизненный путь, подчиняя его законам философского исследования.

К числу специальных философских терминов, фигурирующих в автобиографической прозе Батенькова мы относим слово «данное» или «данные». В словаре Академии Российской данное или данность помещено в словообразовательное гнездо слова «даю», которое имеет следующие значения:

1. «Дать кому знать, ведать о чем. Известить, сказать.
2. Дать кому себя знать. Показать себя, явишь свою силу, власть.
3. Дати образ. Дать пример.
4. В пространнейшем смысле глагол сей употребляется к обозначению получения, приобретения чего-нибудь.» [57 т. 2 с. 477].

Такое определение не соответствует той точности, с которой слово употребляется в тексте Батенькова, однако в словаре церковнославянского и русского языка 1847 года уже содержится подходящее значение: «ДАННОЕ, аго, въ видѣ с. ср.

1) Часто употребляется во мн. данные. Обстоятельство, или обстоятельства, на которыхъ основывается заключеніе. Наблюденіе явленій во

внутренности земной доставило множество данныхъ къ вѣроятному предположенію о способѣ образованія земли.

2) Мат. Тоже, что данная величина, т. е. условная величина, принимаемая въ вычисленіяхъ за основаніе или за единицу.» [58 т. 1 с. 329].

В этом случае мы уже находим определение научного термина, что подтверждается приведённым примером употребления слова. Г. С. Батеньков употребляет слово «данное» именно в его научном значении. Само заглавие «Данные...» содержит в себе научный термин неспроста: в параграфе 2.1 мы уже показали, что «Данные...» Батенькова представляют собой своеобразное философское исследование прожитой жизни, и, как любое научное исследование, труд Батенькова основывается на данных, полученные путём проведения опытов и приобретения опыта (в самом широком смысле этого слова). Такое заглавие только подтверждает рациональность отнесения автобиографической прозы Батенькова к корпусу философских текстов.

С понятием самосознания у Батенькова тесно связано понятие «я», которое мы тоже относим к числу философских терминов. Несмотря на то, что в современном мире можно нередко встретить людей, использующих в разговорной речи «я» как понятие, отражающее внутренний мир человека, в толковых словарях XVIII-XIX вв. «я» фигурирует исключительно как буква алфавита или местоимение [57; 58], в толковом словаре Ожегова, тоже находим только «я» как соотнесение речи говорящего к самому себе [50], но в философском словаре под редакцией И.Т. Фролова уже появляется статья о «я» как философском понятии [61]. В «Данных...» Батенькова «я» – это нечто, что даётся человеку при рождении Богом, при этом служит основным инструментом для сбора и анализа данных. «Я» контекстуально связано с самосознанием, а именно служит основой, на которой постепенно формируется самосознание. Из выше сказанного мы можем сделать вывод, что «я» по Батенькову тесно связано с самосознанием, но не идентично ему. Здесь «я» – это скорее инструмент мысли, индивидуальная форма мировосприятия.

При этом важным фактором в понимании «я» по Батенькову является тот факт, что человеческое «я» – это результат вмешательства божественных сил. Помимо того, что Батеньков видит мир и всех живых существ в нём творениями бога, особый интерес вызывает представления автора о том, что сама способность человека мыслить и изучать мир является божественным даром. Таким образом сам процесс изучения мира, развитие наук, искусств и цивилизаций, – всё это деятельность, на которую человека подталкивает сам бог. Мы находим термины «я», и «самосознание» в тексте Батенькова концептуально связанными с термином «богопознание», который используется в тексте «Данных...» дважды. С одной стороны, Батеньков упоминает «богопознание» в контексте рационального управления государством: «Задача XIX вѣка состоитъ въ томъ уже, какъ управлять умомъ. Очевидно, что требуется другое рѣшеніе. Умъ не можетъ смириться иначе, какъ чрезъ живое, дѣятельное богопознаніе и управляемъ быть долженъ посредствои́мъ просвѣщенной воли.» [40]. Из такого контекста следует, что богопознание – это свойство ума, а точнее способ установить гармонию в собственном сознании и отношении к окружающей действительности. С другой стороны, автор приходит к понятию «богопознание» через рефлекссию о своём религиозном чувстве, которое включало и страх, и умиление, то есть было основано именно на чувственном восприятии. Важно, что в таком контексте Батеньков не использует слова связанные с рациональным мышлением и сделанными выводами, но использует формулировку: «внезапнымъ осіяніемъ ума обнялъ» [40], – показывая, что богопознание происходит как бы вне воли человека, но приходит к нему свыше. Объединяя термины «я», «самопознание» и «богопознание» в одну концептуальную группу, мы утверждаем, что в концептуальной картине мира Батенькова чувственное восприятие действительности и рациональный анализ являются равнозначными факторами в развитии человеческого сознания, при этом проявление божественности в мире человек в равной степени может и

чувствовать, и осознавать, что в свою очередь тоже сказывается на его деятельности и формировании мировосприятия.

Описывая свои наблюдения за тем, как после строительства церкви постепенно исчезали строительные леса, «обнажая» новое строение церкви, Батеньков пишет, что ему показалось бы более «эстетичным и таинственным», если бы часть строительных сооружений всё же осталась прикрывать нижнюю треть церкви, объясняя далее свои взгляды на готическое рококо и «греческую изящность» в архитектуре. В словаре церковно-славянского и русского языка эстетика определяется как «наука об изящном» [58 т. 4 с. 477]. Примечательно, что у Батенькова эстетичность синтаксически объединена с таинственностью и противопоставлена изящности, она как бы скрывает в себе некую тайну, что-то, что должно быть частично скрыто от человеческих глаз и лишь угадываться при наблюдении. Несмотря на то, что автор сам не даёт никакого определения слову эстетика и употребляет его в широком смысле, сам контекст сужает концептуальное поле лексемы, внося точечные корректировки, которые могут нести разный смысл в разных частях текста. Описывая свои ощущения после освобождения из крепости, Батеньков пишет, что ему нужен был «сильный восторг, чтобы разбить затверделость эстетического чувства» [40]. Эстетическое чувство по Батенькову – это умение созерцать окружающий мир и реагировать на это созерцание чувственно, это отправная точка для возникновения вдохновения, желания творить. Эстетическое чувство в контексте «Данных...» основано на ощущении гармонии, единении с природой и наличием душевных сил, способных на творческий акт. Батеньков не употребляет слово «эстетический» по отношению к произведениям искусства, ведь для него эстетичность – это свойство и живой, и неживой природы, и произведения искусства, и явлений обыденности; а эстетическое чувство – это особая форма познания мира.

О взаимоотношении чувственного и имперического в своей картине мира Батеньков пишет: «Еслибъ сталъ развивать себя въ широту и глубину, не

могъ бы прожить долго; посему и избралъ путь априорическій, все въ верхъ и въ верхъ и, отойдя далеко отъ дѣйствительности, принуждёнъ былъ обратиться къ разумѣнію разсудочности, чувствованію, опыту.» [40]. В «Истории философских систем» А. Галича *apriori* «значит всё то, что предшествует опыту или мыслимо бывает прежде онаго.» [12 с. 306]. Априори - от лат. *apriori* – «от предшествующего». Из этого определения следует, что для Батенькова априорический способ познания главенствует над апостериорическим (посредством опыта), однако понятия «разумение разсудочности», «чувствование» и «опыт» в тексте Батенькова оказались однородными членами предложения, что сближает их семантически. Обратим внимание на то, что априорический путь познания – это путь «всё выше и выше», что мы можем трактовать в двух смыслах. С одной стороны, это путь развития мысли, опирающийся не на получении нового исследовательского опыта, а на уже существующие в сознании концепты, посредством глубокой рефлексии. С другой стороны, такая формулировка может быть связана с религиозным чувством автора. Мы уже установили, что религиозная картина мира Батенькова связывает чувственное восприятие бытия, а также анализ этого чувства и стремление к подтверждению своих выводов путём опытного исследования мира. Имея это в виду, можно заключить, что априорическое познание по Батенькову неминуемо приводит к деятельности опытной.

Термин «*criterium*» (в «Истории философских систем Галича: «(общий) признак или примета истины» [12 с. 312]) Батеньков употребляет в таком контексте: «занимался неутомимо хозяйствомъ, приводилъ въ движеніе данныя семейной жизни до произвольныхъ заботъ, безкорыстно, имѣя въ виду одни душевныя присвоенія и критеріумомъ чисто-нравственное начало.». В словаре Гогоцкого: «Критерій (κρίτήριον) у древнихъ греческихъ мыслителей критеріемъ называли какое-нибудь начало или правило, по которому можно бы было судить объ истинѣ, или о достовѣрности нашего знанія» [53 с. 37]. В тексте Батенькова мы видим латинскую форму слова (как в словаре Галича),

но по содержанию соответствующую определению Гогоцкого, которое позже закрепилось в языке как общеупотребительное. Понятие «концепция» в тексте Батенькова фигурирует как «концепція» от лат. *conceptio* и определяется как «общее понятие». Помимо напрямую заимствованных иностранных терминов, в тексте можно найти и пример калькирования: «я могъ на многое въ себѣ самомъ смотрѣть какъ на *подлежащее*, рыться, такъ сказать, въ своей душѣ» [40]. Здесь термин подлежащее объединяет кальку с латинского *subjectum* и др. греческого *τὸ ὑποκείμενον*. Здесь Батеньков использует скорее античное представление о субъекте, то есть подлежащее как познаваемая вещь.

Рассуждая о пренебрежении историей и духовностью, Батеньков использует математический термин «стереометрическое тело» по отношению к человеку, подчёркивая, что без нравственного воспитания человек лишается самой сути человечности.

К группе специальных философских терминов в автобиографической прозе Батенькова мы относим словосочетания, состоящие из общеупотребительных слов разной семантики, но в сочетании друг с другом образующие речевое высказывание с семантикой, относящейся к мыслительному или чувственному процессу, способу познания действительности. Например, словосочетания «естественная совесть», «природное чувство» и «творческая сила». В первых двух случаях речь идёт об особенностях мышления и мировосприятия. Понятие «естественная совесть» передаёт религиозную картину мира автора, по которой совесть не воспитывается в человеке, а вкладывается в его «я» при рождении божественной силой. «Природное чувство» Батеньков описывает как сострадание к любому живому существу. В таком контексте мы можем понимать слово «природное» как естественное, врождённое, но скорее речь идёт об ощущении себя частью животного, природного мира, о гармонии всего живого во вселенной. Термин «творческая сила» - понятие с более широкой семантикой. «Творческая сила» в тексте Батенькова – это, с одной стороны,

форма божьего вмешательства в земной мир в целом и в деятельность человека в частности, с другой стороны, «творческая сила» в тексте Батенькова фигурирует как часть человеческого духа, врождённая способность созидать, сформированная в человека по образцу творческой силы бога. Словосочетание «разумение рассудочности» в тексте данных – понятие по смыслу схожее с рефлексией. К термину «разумение рассудочности» Батеньков обращается в контексте осуществления мыслительной деятельности, находясь в ситуации, когда активное познание мира невозможно, например, находясь в заточении. В таком случае автор предлагает обратить свой взор внутрь себя. При этом разумение рассудочности у Батенькова тоже контекстуально связано с опытом. Таким образом автор показывает, что для сохранения активного процесса познания нет необходимости беспрестанно собирать новые данные, ведь само наше сознание тоже может представлять собою материал для исследования.

Мнение Батенькова о развитии человека как индивида и человечества в целом, его личное представление о боге и обществе выражаются следующим высказыванием: *«Такъ подобало быть. Остановимся пока на этомъ. Тутъ заключается понятіе о вѣчной необходимости бытія»* [40]. Все философские воззрения Батенькова синтезируются в его понимании сущности бытия. Во-первых, согласно философским взглядам автора, каждый человек при рождении получает от бога собственное «я», которое определяет его личное чувство бытия и со временем развивается в самосознание. С такой точки зрения любое познание начинается с ощущения в себе этого божественного дара. Сугубо личное мировосприятие не может не быть божественным даром, ведь сам познаваемый мир – это творение бога, а значит и его исследование связано с проявлением божественной творческой силы в человеке. Во-вторых, общество и государство, по мысли Батенькова, должны строиться на тех же нравственных основаниях, что и человеческая душа. Если всё сущее сотворено богом гармоничным, значит и творения человеческие должны соответствовать этому принципу. Целостность бытия в этом контексте выражается в

неосознанном стремлении человека осуществлять одни и те же модели поведения, не задаваясь вопросом «зачем?», ведь человек обладает данным свыше чувством «так подобает быть». Такая сложная концепция гармонии, божественного присутствия и предопределённости человеческой деятельности выражается у Батенькова понятием «вечная необходимость бытия».

2.3 Использование общеупотребительной лексики как философской в автобиографической прозе Батенькова

В философском тексте авторы зачастую стремятся раскрыть семантический потенциал слова. Учитывая такое скрупулёзное отношение к слову как к способу выражения мысли, неудивительно, что в философском тексте значение общеупотребительных слов зачастую вбирает в себя новые смыслы. Так, например, в автобиографической прозе Батенькова слово «образ» появляется в таком контексте: «впечатлѣніе осталось во мнѣ на всю жизнь, легла неизгладимая черта въ мысли, и слово «небо» получило во мнѣ образъ. , опредѣленнымъ вмѣстилищемъ впечатлѣній <...>» [40]. В словаре церковно-славянского и русского языка мы можем найти следующие определения слова «образ»: 1) Видъ, внѣшность. 2) Изображеніе, или подобіе. 3) Икона. 4) Примѣръ. 5) Способъ, средство. 6) Порядокъ, расположеніе, направленіе. Образъ сочиненія рѣчи. Образа мыслей. 7) Церк. Содержаніе [58 т. 3 с. 29]. У Батенькова же образ – это «определённое вместелище впечатлений», то есть особая категория сознания, которая обрабатывает полученное в опыте впечатление, превращая его в часть мыслительной картины мира человека, которая в дальнейшем будет использоваться в новых опытах познания.

Анализируя свой опыт преодоления душевных потрясений, вызванных заключением в крепость, с помощью глубокой рефлексии, Батеньков пишет: «Этотъ конецъ ничто иное какъ взятый воспитаніемъ размѣръ» [40]. В этом предложении слово «размер» стилистически выделяется. В «Словаре церковно-славянского и русского языка» размер – это 1) Дѣйствіе размѣривающаго и размѣрившаго. 2) Отмѣренная отъ чего либо часть. 3)

Определённая величина предмета. Картина, карта большого, малаго размѣра.

4) Мѣра стопъ въ стихахъ [58 т. 4 с. 22]. В контексте рефлексии и развития самосознания слово «размер» выглядит неуместно, однако его употребление показывает нам стремление автора использовать научные категории в описании опыта познания. Размер – это мыслительная категория, которая используется при изучении физических свойств чего-либо. Батеньков мог использовать слово «привычка» или «впечатление», но в таком случае высказывание утратило бы часть своего семантического объёма. В данном случае «размер» – это именно мыслительная единица, полученная в ходе жизнедеятельности и используемая для построения концептуальной картины мира. Таким образом, автор подчёркивает, что наше мировосприятие основано не только на чувственно воспринятом опыте, но и на том, как мы этот опыт категоризируем в своём сознании.

В параграфе 2.1, посвящённом обоснованию целесообразности рассмотрения автобиографической прозы Батенькова как философского текста, мы уже упоминали понятие типа, которое фигурирует в тексте. По Батенькову «тип» – это сформированный в сознании образ, необходимый человеку как своеобразная единица измерения; мыслительная единица, которая становится основой познавательного опыта, происходящего путём сопоставления объектов действительности с «типом» в голове. Формирование «типа» происходит при первом опыте столкновения с явлением действительности (автор увидел в детстве гору, и она сделалась «типом» всех гор). В процессе жизнедеятельности этот сформированный первым контактом тип дополняется. Таким образом, «тип» Батенькова – это иллюстрация способности человека формировать мыслительные категории.

При анализе текста «Данных...» мы обратили внимание на то, что разные формы слова «чувство» и словосочетания, включающие это слово, встречаются во всех частях текста, вне зависимости от описываемого предмета: когда Батеньков говорит о детстве, о религии и о государственном устройстве. В тексте встречаются такие слова и словосочетания, как

«чувствование», «чувство бытия», «чувство пространства», «чувство правое и левое», «эстетическое чувство», «природное чувство» и «чувствовать красоты видов». Особую важность понятия чувства для философской картины мира Батенькова отрицать невозможно, ведь именно через чувство происходят первичные опыты и первые полученные данные в жизни человека. В контексте «Данных...» чувство – это в первую очередь метод познания, к которому важно обращаться и повседневной деятельности, и в рассуждениях о вере, и в теории и практике государственного управления.

Стоит обратить внимание на то, как Батеньков обозначает свое видение слова как воплощения мысли и продукта человеческой деятельности: «отвлеченія фантазіи все оживляютъ, при нихъ слово *вочеловѣчивается* въ природѣ, и человѣкъ выходитъ изъ береговъ.» [40]. Слово не может существовать без человека, при этом слово не осмысленное представляет из себя лишь пустую форму без смысла к существованию, но, когда слово воплощает собою человеческую мысль, оно реализует свой потенциал и, более того, становится как бы продолжение человека и его мысли. При этом мысль нуждается в слове, как и слово в мысли, а человек с их помощью реализует свой потенциал как существо мыслящее. Находясь в заточении, Батеньков приходит к мысли о том, что человек может прожить довольно долго без активной физической деятельности, без свободы, ведь у человека всегда остаётся при себе его внутренний дар свыше – мышление. Реализуя свою идею в слове, человек даёт идее новую жизнь, которая является продолжением жизни своего автора, то есть *вочеловечивается*.

К числу общеупотребительных лексем, которые в автобиографической прозе Батенькова фигурируют как терминоподобные единицы, необходимые для раскрытия философских взглядов писателя, мы относим также понятия, связанные с государственным устройством. Сам Батеньков в «Данных...» пишет, что в России нет ещё науки, изучающей устройство государства, а значит не может быть и подробной системы терминов. При этом автор утверждает, что в России идеи философии и лицейского образования находят

ясное выражение, основываясь на *практике* государственного писмоводства. Сам же Батеньков часто использует для обозначения особенностей государственного устройства общеупотребительные слова, так, например, он обозначает основные качества власти: «предприятие», «разрешение» и «надзор», которые отражают финансовый, рациональный и нравственный критерии, которыми должна руководствоваться любая власть. Исследуя философские взгляды Батенькова, невозможно не затронуть его взгляды на государственное устройство, так как в его картине мира государство – это архитектурное творение, повторяющее модель «Божьего храма» в мире земной жизни, и должно быть устроено и управляемо на основе христианских принципов, а именно на основе «милосердия и правды» [40].

Рассуждая об отсталости государственного устройства России Батеньков пишет: «Коли будемъ мудры и благоразумны, успѣмъ еще догнать и перегнать опередившихъ насъ, ежели только общія судьбы міра не ведутъ весь человѣческій родъ къ нѣкоторому близкому перелому, какъ бы означившемся уже на самой мѣнѣ поколѣній.» [40]. В этом отрывке примечательно словосочетание «судьбы мира», с формой множественного числа слова судьба. Используя форму множественного числа в «общих судьбах мира» Батеньков объединяет свои представления о государственности и бытии. С одной стороны, мир – это набор государственных объединений, политических систем и идей; с другой стороны, мир – это божье творение, которое подчиняется общим божественным законам бытия. В «судьбах мира» Батенькова выражается и влияние человека и его идей на будущее мира и незримое присутствие бога и его непостижимого замысла во всём, что есть в мире, в том числе и в человеческой деятельности.

Показательно как Батеньков начинает часть «Данных...», посвящённую вопросам государственного устройства: «Въ устройствѣ государственномъ первое и широкое основаніе состоитъ въ раздѣленіи» [40]. Далее Батеньков приводит несколько возможных способов деления различных сфер государственного управления. Для нас важно, что именно в рассуждениях о

государственных вопросах Батеньков использует понятия «разделение» и далее «система мыслей». Мы видим, что Батеньков, как государственный деятель понимает необходимость системного подхода в государственном управлении, однако из рассуждений автора следует, что основания, на которых строится власть, и которыми она должна руководствоваться при принятии решений, не столько научные, сколько духовные: «Это и было первым опредѣленіемъ отъ себя самой самодержавной власти, юридическимъ и, такъ сказать, съ признаніемъ надъ нею и надъ всѣмъ ея дѣйствиемъ, посредственнымъ и непосредственнымъ, *воли Божіей*, отъ которой она и происходитъ» [40]. Сколь бы ни была рациональная бюрократическая машина, если она не соответствует «народному духу», такое управление не может быть гармонично и эффективно. Гармония – это главный стержень эффективной власти по Батенькову. Батеньков не описывает политику как борьбу интересов. Он мыслит её категориями должного и сущего. «Должное» – это божественный закон, гармония, живая система. «Сущее» – это бюрократия, личный произвол, искажение замысла. Трагедия русской администрации, по Батенькову, в разрыве между этими полюсами.

2.4 Выводы к Главе 2. Корпус философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова.

На основе результатов описательного анализа мы можем выделить следующие виды философской лексики в автобиографической прозе Батенькова:

1. Специальные философские термины, заимствованные из латинского или др. греческого языков (концепция, априори, эстетика).
2. Термины, образованные путём объединения общеупотребительных слов в словосочетания (естественная совесть, природное чувство, творческая сила).
3. Специальные философские термины, образованные путём сложения корней (богопознание, самосознание).

4. Философские термины, образованные путём калькирования иностранного термина (подлежащее).

5. Терминоподобные лексемы, представленные общеупотребительным словом, которое в тексте Г.С. Батенькова приобретает семантический объём философского термина (размер, чувствование, тип).

6. Терминоподобные лексемы, сформированные словообразовательным путём от общеупотребительного слова. (вочеловечивается).

7. Специальные нефилософские термины, заимствованные из других наук (стереометрическое тело).

8. Терминоподобные лексемы, свойственные практике государственного письмоводства.

Сформированная терминосистема отражает сложную концептуальную картину мира Г. С. Батенькова. В автобиографической прозе Батенькова мы находим попытку философа осмыслить свою жизнь как материал для философского исследования. Автор затрагивает вопросы религии, истории и государственного устройства. Примечательно, что в центре внимания писателя находится именно сам процесс познания мира, Батенькова интересуют вопросы гносеологии, он рассматривает свой личный опыт познания действительности как научный метод, разбирая свои впечатления и рассуждения на мелкие составляющие и последовательные шаги к общей истине. Учитывая эту особенность автобиографической прозы Батенькова, исследование философской лексики в тексте «Данных...» необходимо для определения стилистической и содержательной составляющих текста. Наличие в тексте Батенькова заимствованных специальных философских терминов свидетельствует о погружении автора в общеевропейский философский контекст. Калькированные и заимствованные из богословия термины указывают на вовлечённость писателя в процесс формирования языка русской философии. Стремление создавать новые понятия, выраженные словосочетаниями, отражает активную умственную деятельность,

направленную на попытку выражения в языке сложных философских концептов. Употребление терминов и терминоподобных лексем в тексте передаёт широкий научный кругозор автора и его стремление использовать все доступные источники знания и способы исследования для миропознания и миротворения. В тексте Батенькова мы видим попытку по-философски исследовать собственную жизнь, не погружаясь при этом в подробности необходимые для философского исследования. Писатель попытался, используя свои знания из области философии, написать текст интуитивно понятный любому читателю. Подобный подход приводит к множественности трактовок отдельных понятий, используемых автором. Дать точное определение каждому термину в тексте, учитывая сложную стилистическую составляющую произведения весьма затруднительно, поэтому анализ философской лексики в автобиографической прозе возможен только при рассмотрении каждой анализируемой единицы как части целого текста. В «Данных...» каждое философское слово определяется через текст в целом, что мы можем выделить как особую характеристику философской лексики.

Таким образом, картина мира Г. С. Батенькова представляет собой сложный синтез, в котором философский рационализм не отрицает религиозную веру, а опирается на неё; религиозная вера не противостоит политической деятельности, а служит её нравственным основанием; художественное творчество не противопоставляется научному познанию, а дополняет его. Этот синтез находит своё выражение и на лексическом уровне: Батеньков свободно сочетает в своём тексте специальные философские термины (априори, концепция, критериум), религиозную лексику (богопознание, естественная совесть) и терминоподобные единицы, заимствованные из практики государственного писмоводства (предприятие, разрешение, надзор). Все эти лексические пласты, принадлежащие, казалось бы, к разным сферам человеческой деятельности, в тексте Батенькова

оказываются частями единого концептуального целого, отражая его убеждение в универсальности божественного закона, пронизывающего все уровни бытия.

Заключение

Настоящая выпускная квалификационная работа была посвящена выявлению особенностей функционирования и формирования философской лексики в автобиографической прозе декабриста Г. С. Батенькова на примере его произведения «Данные. Повесть собственной жизни».

Во-первых, были рассмотрены основные научные работы, посвящённые изучению положения философской лексики в лексической системе русского языка. Установлено, что философская лексика представляет собой особую лексическую группу, не сводимую к научной терминологии, поскольку философский термин, в отличие от научного, характеризуется многозначностью, зависимостью от контекста и стремлением к расширению понятийного содержания. Полисемия является важнейшей характеристикой философской лексики, так как в ней научность, объединяясь с природой «живого слова», создаёт особую глубину значения. Резкое увеличение количества философских лексем в русском языке и широкое разнообразие, приводящее к нестабильности общей философской терминосистемы русской философии вплоть до первой половины XX века не случайно. Формирование пласта философской лексики в русском языке приходится на период второй половины XVIII – первой половины XIX века и связано с масштабными изменениями в общественном устройстве России, секуляризацией философской мысли и активным освоением идей европейского Просвещения.

Во-вторых, определена классификационная система философской лексики в русском языке. На основе работ Н. В. Козловской, Н. М. Азаровой, Н. В. Залесовой и других исследователей выделены основные виды философской лексики: специальные философские термины (заимствованные или образованные от греческих и латинских корней), авторские философские

термины (лексемы, значение которых определяется только в составе терминосистемы конкретного автора), неспециальные философские термины (общеупотребительные слова, выступающие в роли философских концептов), а также терминологические глоссы. Рассмотрены способы образования философских терминов: семантическая конверсия, терминологическая конверсия, терминологическая деривация, заимствование и ментализация. Проведён анализ, дифференцирующий понятия «терминология» и «терминосистема». Несмотря на то, что при определении слова «терминология» оно часто уподобляется «терминосистеме», такое определение противоречит существующей норме употребления понятия «терминосистема» в лингвистических исследованиях. В основе данного исследования лежит понятие терминосистема, сформированное в исследованиях посвящённых авторским терминосистемам, то есть, терминосистема как систематизированная терминология, включающая термины, входящие в одно терминопole.

В-третьих, обоснована целесообразность рассмотрения автобиографической прозы Г. С. Батенькова как философского текста. На основе проведённого анализа мы установили, что в «Данных. Повести собственной жизни» автор подходит к собственному жизнеописанию не как к художественному творчеству, а как к научному, а именно философскому, исследованию формирования сознания. Батеньков описывает свой жизненный путь как процесс познания, выступая в роли философа-гносеолога: он называет жизненный опыт «данными», рассуждает о «я» как о божественном даре, который растёт от чувства бытия до самосознания, и формулирует понятие о «вечной необходимости бытия». Ключевое значение в тексте имеет не биография автора, но само авторское сознание и процесс его формирования. В центре внимания писателя находится процесс познания мира, что сближает его подход с философским исследованием. Таким образом, «Данные...» представляют собой образец русской философии XVIII–XIX веков «в

миниатюре», когда философия ищет свой язык, своего читателя и стремится быть ему понятной.

В-четвёртых, определены особенности функционирования философской лексики в автобиографической прозе Батенькова. Установлено, что в отличие от поэтических текстов, где философская лексика поэтизируется и служит средством создания интертекстуальных связей, в автобиографической прозе Батенькова философская лексика необходима для выражения работы сознания и описания структуры мысли. Она не создаёт интертекстуальность, но образует личный лексический корпус автора, отражающий его мировоззрение и авторский стиль, сочетающий художественность и научность. Особенностью функционирования философской лексики в «Данных...» является то, что анализ каждой единицы возможен только при рассмотрении её как части целого текста, поскольку в философском тексте текстообразующие понятия зачастую определяются через текст в целом.

В-пятых, на основе проведённого исследования сформирована философская терминосистема автобиографической прозы Г. С. Батенькова, включающая в себя 8 пунктов. Разработанная система понятий отражает сложную картину мира Г. С. Батенькова. Автор рассматривает вопросы религии, истории и государственного устройства. В центре внимания писателя находится процесс познания мира: Батенков рассматривает свой личный опыт познания реальности как научный метод, разлагая свои впечатления и размышления на мелкие составляющие и последовательные шаги к общей истине. В его философском мировоззрении чувственное восприятие реальности и рациональный анализ признаются равнозначными факторами в развитии человеческого сознания. Проявление Божественного в мире человек может в равной мере ощущать и понимать, что сказывается на его поступках и формировании его мировоззрения. Государство в концепции Батенькова представляет собой архитектурное сооружение, воспроизводящее модель

«Храма Божьего», и должно строиться и управляться на основе христианских принципов, а именно на основе милосердия и справедливости.

Таким образом, поставленная в работе цель – выявление особенностей функционирования и формирования философской лексики в автобиографической прозе Г. С. Батенькова – достигнута. Задачи, сформулированные во введении, выполнены в полном объёме. Исследование подтверждает, что изучение философской лексики в автобиографической прозе Батенькова необходимо для определения стилистической и содержательной составляющих текста, а также для понимания того, как формировался язык русской философии в целом. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать сопоставительный анализ философской лексики в прозе Батенькова и других декабристов-литераторов, а также более детальное изучение влияния различных философских идей как западноевропейских, так и российских на формирование лексического аппарата, художественного стиля и мировоззрения Батенькова.

Список литературы

1. Азарова, Н. М. От философского термина к популярному концепту: некоторые особенности освоения философской лексики поэтическим текстом / Н. М. Азарова // Язык русской литературы XX века. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2010. – С. 3–14.
2. Азарова, Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. : монография / Н. М. Азарова. – Москва : Логос / Гнозис, 2010. – 250 с.
3. Азарова, Н. М. Философская лексика и терминология в поэтическом тексте XX в. / Н. М. Азарова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 7–12.

4. Артемьева, Т. В. Философский язык в России XVIII века: между физикой и метафизикой / Т. В. Артемьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2002. – № 2. – С. 78–85.
5. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : Ритм, 2018. – 229 с.
6. Базарова, Х. Лексическая система русского языка / Х. Базарова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 12. – С. 92–95.
7. Безлепкин, Н. И. От словологии к философии языка: эволюция лингвофилософских учений в России / Н. И. Безлепкин // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. – 2020. – № 1 (7). – С. 139–156.
8. Буйленко, И. В. Современные представления о полевых структурах в языке / И. В. Буйленко // Грани познания. – 2013. – № 1. – С. 94–97.
9. Галиева, А. М. Дискурсия: перевод как источник нового термина / А. М. Галиева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 6. – С. 145–152.
10. Галиева, А. М. Метафора в философском тексте: оригинал и перевод / А. М. Галиева, Э. Ф. Нагуманова // Филология и человек. – 2016. – № 4. – С. 97–106.
11. Галиева, А. М. Перевод и проблема отечественного философского языка / А. М. Галиева, З. З. Ибрагимова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 1. – С. 156–164.
12. Галич, А. И. История философских систем кн. 2/ А. И. Галич. – Санкт-Петербург : типография М. Иверсена, 1818. – 330 с.
13. Граф, Т. А. Лексическая система языка и место тематической группы в ней / Т. А. Граф // Всероссийские с международным участием научные Далевские чтения молодых исследователей : материалы XV чтений,

посвященных памяти В.И. Даля. Канск, 22–23 ноября 2018 г. / отв. ред. С. В. Науменко. – Красноярск, 2018. – Т. 2. – С. 256–258.

14. Дмитриева, Ю. В. Автобиографическая проза Г. С. Батенькова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. В. Дмитриева. – Санкт-Петербург, 2006. – 212 с.

15. Залесова, Н. В. Становление русской философской терминологической традиции в этнолингвистических и социокультурных условиях национальной речемышли : диссертация ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Н. В. Залесова. – Тюмень, 2004. – 185 с.

16. Зенкин, М. А. Г. С. Батеньков и традиция русской литературы XVIII в. (к проблеме преемственности) / М. А. Зенкин // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 33–38.

17. Зеньковский, В. История русской философии / В. Зеньковский. – Москва : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.

18. Калинина, Л. В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности / Л. В. Калинина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, № 3. – С. 224–231.

19. Канунова, Ф. З. Библиотека Г. С. Батенькова в Томске / Ф. З. Канунова // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 291. – С. 56–61.

20. Козловская, Н. В. Метод антиномий как способ познания авторских философских терминосистем / Н. В. Козловская // Language and Method. – 2016. – Т. 2015, № 2. – С. 281–289.

21. Козловская, Н. В. Словарь авторских терминов как метод изучения языковой личности философа / Н. В. Козловская // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 2. – С. 88–98.

22. Козловская, Н. В. Типы авторских терминов в русской философии (на материале произведений Н. Ф. Федорова и Н. А. Бердяева) / Н. В. Козловская // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 45–54.

23. Козловская, Н. В. Философская терминология в сочинениях русских мыслителей второй половины XIX –начала XX в. : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Козловская. – 2019. – 500 с.
24. Коробов, А. Ю. Философия языка и язык философии / А. Ю. Коробов // Современные философские исследования. – 2014. – № 1. – С. 75–80.
25. Куценко, Н. А. К вопросу о формировании русской философской лексики в первой половине XVIII века / Н. А. Куценко // История философии. – 2009. – № 14. – С. 125–139.
26. Лейчик В. М. Термиповедение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
27. Лишаев, С. А. Мысль и слово (языковая концептуализация мира и своеобразие русской философии) / С. А. Лишаев // Ценности и смыслы. – 2010. – № 6 (9). – С. 86–98.
28. Лобанов, В. В. Библиотека Г. С. Батенькова: опыт реконструкции / В. В. Лобанов. – Томск, 1993. – Ч. 1. – 127 с.
29. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – Москва : Советский писатель, 1991. – С. 255.
30. Некрасова, Е. Н. Язык философии и язык литературы / Е. Н. Некрасова // Теория и практика преподавания языков и культур: философские и методологические аспекты. – 2017. – С. 239–249.
31. Падучева, Е. В. Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I / Е. В. Падучева. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. – 448 с.
32. Снытко, Т. Г. Г. С. Батеньков – литератор / Т. Г. Снытко // Литературное наследство. – 1956. – Т. 60, № 1. – С. 289–320.
33. Судаков, Г. В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований / Г. В. Судаков // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 1. – С. 112–119.

34. Судаков, Г. В. У истоков русской лексикологии / Г. В. Судаков // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 33–41.
35. Теплов, Г. Н. Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут / Г. Н. Теплов. – Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1751. – 301 с.
36. Фокин, С. Перевод как незадача русской философии: Шестов. Бахтин. Подорога. ... Пушкин / С. Фокин // Логос. – 2011. – № 5–6 (84). – С. 213–229.
37. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология / М. И. Фомина. – Москва : Высшая школа, 1983. – 335 с.
38. Юшковский, В. Д. Г. С. Батеньков: эволюция личности и мировоззрения в историческом контексте России первой половины XIX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Д. Юшковский. – Томск, 2007. – 341 с.
39. Юшковский, В. Д. «Литература мысли» и «литература чувства» (к вопросу о формировании взглядов Г. С. Батенькова) / В. Д. Юшковский // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309, № 2. – С. 185–190.

Интернет-ресурсы:

40. Батеньков Г. С. Данные. Повесть собственной жизни // [Lib.ru](http://lib.ru): «Классика»
URL: http://az.lib.ru/b/batenxkow_g_s/text_1881_dannye_oldorfo.shtml (дата обращения: 05.05.2026).
41. Безлепкин Николай Иванович От словологии к философии языка: эволюция лингвофилософских учений в России // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2020. №1 (7).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-slovologii-k-filosofii-yazyka-evolyutsiya-lingvofilosofskih-ucheniy-v-rossii> (дата обращения: 11.06.2026).
42. Влавацкая М. В. Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) // МНКО. 2009. №7-2.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kombinatornaya-semasiologiya-semantika-i-sochetaemost-slov> (дата обращения: 16.05.2026).

43. Володина Майя Никитична Знание сквозь призму терминологической информации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znanie-skvoz-prizmu-terminologicheskoy-informatsii> (дата обращения: 10.05.2026).

44. Кодирова Дилрабо Шамсидиновна Понятие «Терминосистема» и ее языковые особенности // European science. 2020. №3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-terminosistema-i-ee-yazykovye-osobennosti> (дата обращения: 10.06.2026).

45. Крыжановская, А. В. Формирование национальной специфики языка русской философии / А. В. Крыжановская // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — Т. 10, № 2. — URL: <https://sflk-mn.ru/PDF/21FLSK219.pdf> (дата обращения: 05.06.2026).

46. Михайленко Тамара Дмитриевна Терминосистема как основной компонент отраслевого подязыка // Вестник Российской таможенной академии. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminosistema-kak-osnovnoy-komponent-otraslevogo-podyazyka> (дата обращения: 09.06.2026).

47. Павлов В. В. Деление слов по частям речи и по значениям и признакам // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delenie-slov-po-chastyam-rechi-i-po-znacheniyam-i-priznakam> (дата обращения: 05.06.2026).

48. Судаков Г. В. Типология лексических групп русского языка // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2017. №2 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-leksicheskikh-grupp-russkogo-yazyka> (дата обращения: 16.06.2026).

49. Судаков Гурий Васильевич История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-leksicheskikh-grupp-v-slavyanskikh>

[yazykah-perspektivy-sravnitelno-sopostavitelnyh-issledovaniy](#) (дата обращения: 10.06.2026).

50. Толковый словарь Ожегова URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).

51. Философский энциклопедический словарь (1983) // URL: https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/index.htm?ysclid=mq_m9j37rw5635498132 (дата обращения: 05.05.2026).

52. Шарафутдинова Насима Саатовна О понятиях «Терминология», «Терминосистема» и «Терминополе» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №6-3 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatiyah-terminologiya-terminosistema-i-terminopole> (дата обращения: 05.06.2026).

Справочная литература и учебники:

53. Гогоцкий С. С. Философский словарь, или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии – Киев : тип. ред. «Киев. телеграфа», 1876. –145 с.

54. Краткий философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. – 4-е изд., доп. и испр. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 703 с.

55. Маслин, М. А. Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. – М. : Мир философии 2019. – 918 с.

56. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учебник для студентов филологических специальностей высших учебных заведений / Ю. С. Маслов. – 1987. – 272 с.

57. Словарь Академии Российской : в 6 томах – СПб.: Императорская Академия Наук, 1789-1794.

58. Словарь церковнославянского и русского языка : в 4 томах / под ред. Второго отделения Императорской академии наук. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1847.

59. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2002. – 528 с
60. Татаринов, Виктор Андреевич. Общее терминоведение : энциклопедический словарь / В. А. Татаринов. — Москва : Московский Лицей, 2006. — 526 с.
61. Философский словарь. / Под ред. И. Т. Фролова – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.